

А. Н. Кашеваров

**Духовное состояние западного мира
в восприятии идеологов и публицистов
Русской Зарубежной Церкви
1950–1970-х гг.**

**Кашеваров
Анатолий
Николаевич,**
*доктор
исторических наук,
профессор,
Санкт-
Петербургский
государственный
университет;
Санкт-
Петербургский
государственный
политехнический
университет,
заслуженный
работник
высшей школы РФ
(Санкт-Петербург)*

Русская Православная Церковь за границей (далее — РПЦЗ) оформилась в начале 1920-х гг. для «духовного окормления» прежде всего первой волны русской эмиграции. В дальнейшем она сыграла значительную роль не только в удовлетворении религиозных потребностей многих представителей всех последующих волн русской эмиграции, но и в определенной консолидации их и морально-нравственной поддержке в нелегких порой условиях эмигрантского существования. Одна из основных задач РПЦЗ заключалась в сохранении связей эмиграции с русской культурой и языком, с традиционным укладом оставленной родины, воспитании эмигрантской молодежи в любви и уважении к «исторической России». В связи с этим один из ведущих идеологов РПЦЗ епископ Григорий (Граббе) в очерке с характерным названием «Путь Зарубежной Церкви» писал: «На Зарубежную Церковь легла миссия сохранения в изгнании верности Русской Церкви, русского православного духа и русской церковной православной культуры. Эта миссия выполнялась и выполняется в ежедневной жизни наших монастырей и приходов, нашими школами и заботой о сохранении русского быта, насколько это возможно, в иностранной среде»¹. Русской Зарубежной Церкви удалось также наладить сеть периодических изданий, рассчитанных на самые широкие слои и разные группы эмиграции.

Таким образом, осмысление культурного наследия русского зарубежья, включая публицистические труды идеологов и деятелей РПЦЗ, является одной из основных потребностей времени.

В послевоенные годы РПЦЗ переживала кризис и глубокие перемены. Остаться в Югославии после ее освобождения от фашистского ига и вступления туда Красной Армии Архиерейский Синод, разумеется, не мог. Он переместился вначале на короткое время в Карловы Вары, а потом в Мюнхен. По существу, Синод прежнего

состава распался. В Мюнхене же в 1946 г. он был воссоздан вследствие присоединения к первоиерарху РПЦ митрополиту Анастасию (Грибановскому) значительной группы архиереев, выехавших из оккупированной части СССР и входивших в созданные во время оккупации автономные Украинскую и Белорусские Церкви. Воссозданный Синод возглавил по-прежнему митрополит Анастасий.

В первые послевоенные годы изменилась и паства Зарубежной Церкви. Активную ее часть составили «перемещенные лица»: военнопленные, жители оккупированных территорий, угнанные на работы в Германию и по разным причинам, особенно из страха вполне вероятных репрессий, не пожелавшие вернуться на родину. Среди них были и власовцы, сумевшие избежать выдачи советским властям. В связи с этим изменилось и географическое распределение общин РПЦ. Если в период между двумя мировыми войнами центрами сосредоточения «карловчан» были Балканы и Китай, то теперь на первое место в Европе вышла Германия, где в первые послевоенные годы под «духовным окормлением» 22 «карловацких» священников состояло около 200 тыс. перемещенных лиц.

Усилилось влияние Архиерейского Синода и на Американском континенте — не только в Северной Америке, но и в странах Южной Америки, где поселилось значительное число «невозвращенцев» из Советского Союза. Россиян, которые не желали возвращаться в СССР после окончания Второй мировой войны и получили название Пи-Ди (от англ. *displaced person*), означающее «перемещенные лица», советская власть считала изменниками родины, поэтому принадлежать к пастве Московской Патриархии они не могли. Всю духовную заботу об этих беженцах взяла на себя Русская Зарубежная Церковь — ею на территории США и Канады было образовано 5 епархий². Поскольку с активным переселением русских людей из разоренной войной Европы в Америку Мюнхен пустел все больше и больше, постепенно закрывались беженские лагеря и приходы в них, в 1950 г. Синод переехал из Мюнхена в США. Здесь его резиденцией сначала стал монастырь Новая Коренная пустынь в Магопаке, а с 1952 г. — небольшой особняк на 77-й улице в Нью-Йорке. В начале 1960-х гг. Зарубежной Церкви был подарен дом С. Я. Семененко в том же Нью-Йорке на фешенебельной Парк-авеню, куда Синод переехал и где находится до сих пор³.

В итоге в Северной Америке образовались три православные юрисдикции, своим происхождением связанные с РПЦ: приходы Московской Патриархии, РПЦЗ и Русская Православная Церковь в Америке, которая в 1950-х гг. не только стала фактически автокефальной, но и произошла ее американизация. Она постепенно утратила эмигрантский характер и стала одной из многих американских религиозных общин. Все большее число приходов митрополии переходило в богослужении на английский язык; среди прихожан преобладали далекие потомки выходцев из Российской империи, из Галиции и Карпатской Руси, родным языком которых являлся уже английский. Все более заметную часть ее паствы составляли обращенные в православие американцы, никак не связанные своим происхождением с Россией. При такой

переориентации Церкви и столь заметных изменениях в ее национальном составе часть принадлежащих к ней православных верующих, стремившихся сохранить свою русскую национальную самобытность, переходили в зависимости от политических предпочтений либо в приходы РПЦЗ, либо (реже) в приходы экзархата Московской Патриархии.

Эмигрантский характер стойко сохраняли в русской диаспоре в послевоенный период лишь приходы Московской Патриархии и Русской Зарубежной Церкви. В первое послевоенное десятилетие к РПЦЗ принадлежало до полумиллиона прихожан⁴. В 1970-х гг. РПЦЗ имела 460 приходов и около 700 тыс. верующих⁵. Она включала в свой состав 6 епархий в США, 1 в Канаде, 4 в Западной Европе и 1 в Австралии, а также духовную миссию в Иерусалиме с подчиненными ей монастырями и скитами в Святой Земле и приходы в Северной Африке и в ЮАР. Епископат Зарубежной Церкви насчитывал помимо первоиерарха-митрополита 12 епархиальных, 7 викарных епископов и 4 архиерея на покое⁶. В описываемый период, не поддерживая церковно-административных отношений и молитвенно-евхаристического общения с Московской Патриархией ввиду ее «пленения безбожной властью», РПЦЗ вместе с тем продолжала считать себя частью единой Русской Православной Церкви. Ежедневно в православных храмах тех стран, где были колонии русских эмигрантов, возносились молитвы за Россию, за страждущих в ней от гонений православных христиан. Очевидно, что Зарубежная Церковь, пережив угрозу распада, перед которой она стояла в первое время после Второй мировой войны, старалась подчеркнуть свое национальное русское лицо, свою верность традициям старой дореволюционной России.

После крушения фашизма и переезда Архиерейского Синода в США иерархия РПЦЗ сменила некоторые акценты в своей общественно-политической ориентации. Если ранее, при митрополите Антонии (Храповицком), а затем в период Второй мировой войны «карловчане» ориентировались на крайне правые политические круги, выступали как последовательные русские националисты, всячески подчеркивали свой монархизм, позволяли себе антизападные, антиамериканские выпады, отождествляли большевизм с масонством, то в Америке эта тенденция хотя и целом сохранилась, но в первые годы после переезда Синода антиамериканские выпады уступили место новым оценкам США и американского народа в выступлениях деятелей и идеологов РПЦЗ.

В слове первоиерарха РПЦЗ митрополита Анастасия (Грибановского), произнесенном 7 ноября 1952 г. в Нью-Йорке при поминовении русских православных людей «от безбожной власти умученных и убиенных», особое место занимала оценка США и американского народа в контексте разделения митрополитом всех народов «на два стана или два лагеря». «Во главе поработанных коммунизмом стран, отделенных от остального мира т. н. железным занавесом, стоит Советский Союз, а свободные государства имеют главную опору в Соединенных Штатах Америки. Этой великой и мощной стране суждено Божественным промыслом стать во главе тех наций, которые соединенными силами стараются противостать натиску коммунизма.

Американский народ имеет для этого нарочитые дарования и возможности. Он обладает достаточно ясным здравым смыслом, чтобы не соблазниться утопией земного рая, проповедуемого коммунизмом. Он таит в своем сердце глубоко укорененное нравственное сознание и живое религиозное чувство, при свете коих он не может не видеть весь вред, причиняемый человечеству безбожным и аморальным духом коммунизма». Все эти качества, по мнению Анастасия, позволят американскому народу «не только упрочить свое благополучие, укрепить свою мощь, но и помочь другим, более слабым народам, наиболее подверженным заболеванию коммунистической заразой. Судьба Америки поистине есть судьба мира»⁷. Примечательно, что одной из главных тем выступлений ведущего идеолога Зарубежной Церкви протопресвитера Г. Граббе в это же время стало обвинение архипастырей Московской Патриархии в том, что они, поддаваясь советской пропаганде, допускают антиамериканские, антизападные заявления. Вот, например, типичный пассаж из его печатных трудов: «В своей речи патриарх говорил о непрестанной работе всех исповеданий в СССР в пользу мира и в тоже время сделал отнюдь не мирный клеветнический выпад против Запада»⁸.

Если позиция США как «главной силы, противостоящей богоборческому коммунизму», первоначально не вызвала среди деятелей и публицистов РПЦЗ никакого сомнения и критики, то западный, в первую очередь, американский уклад жизни описывался без всякого восторга. Характеристика духовного состояния того мира, который непосредственно окружал русскую эмиграцию в первые послевоенные десятилетия, занимала видное место в публицистических выступлениях деятелей и идеологов РПЦЗ на страницах ведущего печатного органа РПЦЗ – журнала «Православная Русь», возобновившего свой выход в январе 1947 г. в Свято-Троицком монастыре.

В августе 1949 г. в этот монастырь, основанный в 1928 г. около небольшого селения Джорданвилль в штате Нью-Йорк, и ставший в послевоенный период духовным центром РПЦЗ (в 1948 г. при монастыре была открыта духовная семинария), прибыл архимандрит Константин (Зайцев), до этого служивший «карловацким» клириком в Южном Китае. Почти сразу же после прибытия по приглашению архиепископа Виталия (Максименко) он стал редактором журнала «Православная Русь» и оставался на этом посту более четверти века. Редакторское *credo* он выразил в следующих словах написанной им передовой статьи: «Молчание, в условиях, когда перо вложено в руки, как монашеское послушание, далеко не всегда может быть оправдано. А бывает и так, что он по долгу совести, как личной, так и церковной, должно быть нарушаемо, чтобы со всей решительностью было сказано правдивое слово. И учит, как жизненный опыт, так и учение Церкви, что это не ведет к разобщению, а, напротив того, создает почву для истинного сближения, прочного и ясного, обеспечивающего совместное стояние за веру...»⁹.

Как известно, своеобразие того или иного печатного издания во многом зависит от личности его редактора. В связи с этим следует отметить особую роль в истории «Право-

славной Руси» архимандрита Константина, который являлся человеком многогранной образованности, свободно владевшим европейскими языками, церковно-общественным деятелем зарубежья и, наконец, представителем эмигрантской богословской элиты. Он был не только известным богословом, но и опытным издателем и редактором. В частности, в межвоенный период участвовал в издаваемых в Париже П. Б. Струве газетах «Возрождение» и «Россия и славянство», печатался в харбинском церковном журнале «Хлеб небесный»¹⁰. Почти в каждом номере редактируемой архимандритом Константином «Православной Руси» помещалась его статья. Под влиянием его публицистических и редакторских трудов в значительной степени складывалась идеология Русской Православной Церкви за границей.

На страницах «Православной Руси» с анализом духовного состояния западного мира выступали также преподаватели открытой в 1948 г. при Свято-Троицком монастыре духовной семинарии — протопресвитер Михаил Помазанский, воспитанник Киевской духовной академии; Н. Д. Тальберг, правовед, известный еще в дореволюционной России консервативный политический деятель; профессор И. М. Андреев, публиковавшийся под псевдонимом «Андреевский». Почти в каждой своей публикации, обвиняя Советскую власть в богоборчестве — борьбе не только с религией, но и с ее приверженцами, преследовании граждан за их религиозные убеждения, веру, создании искусственных помех деятельности Церкви и т. п., эти авторы «Православной Руси» в то же время были далеки от идеализации того свободного мира, в котором они жили.

Наиболее обстоятельная характеристика духовного состояния западного мира содержалась в статьях архимандрита Константина (Зайцева). В статье «Духовное состояние мира и задачи Русской Зарубежной Церкви», написанной и опубликованной в 1962 г., он прежде всего отмечал духовный кризис «свободного мира» и выделял наиболее существенные его признаки. Важнейшим из них он считал провозглашение и широкое распространение теории «новой вступающей ныне в действие «постхристианской эры». Ее характерной особенностью является отрицание за религией чего-либо абсолютного. «Религия получает значение известного свойства человеческого сознания — и только. Мир не требует Бога-Творца, тем более Бога-Промыслителя... Христианство готово видеть себя на положении некоего гетто»¹¹. «Для западного мира, — отмечал архимандрит Константин, — характерна некая догма, отрицающая христианское прошлое во имя постхристианского будущего. Подобное восприятие действительности порождает практику систематического истребления по всем направлениям жизни всего, на чем лежит печать традиционного прошлого»¹².

Архимандрит Константин подробно описал отрицательные последствия — с позиций православного священнослужителя — начавшейся дехристианизации западного мира. «Семейное прошлое вычеркивается из сознания. Чувство связанности с местом семейной оседлости — угасает. Домашний очаг — святость его: не ищите этого в душе современного человека. Люди живут сегодняшним днем». Не способствует укреплению семьи и школа.

«Принцип отделения церкви от государства в США толкуется в смысле исключения из школы всякого оттенка религиозности. И это не только в смысле недопустимости в школе проявлений церковности нет: общая направленность преподавания подлежит под этим углом зрения строгой цензуре: Бога не должно быть нигде!».¹³ «Проблема секса вообще освобождается ныне от идеалистических покровов. В этом являет себя то, что иначе не назовешь как “бестиализация” человека, которая тем более отвратительна, чем в более утонченные формы он облекается... Тут нельзя не отметить исключительную вредоносность телевидения и радио... Ведь увлечение телевидением является такой же одержимостью, как и наркомания»¹⁴. Свою лепту в процесс «бестиализации» человека вносит и «обыденная печать, которая точно ставит себе задачей загрязнить воображение человека»¹⁵.

Дехристианизация отрицательным образом сказалась и на церковной жизни свободного мира. «Остро ставится сейчас задача упрощения и облегчения богослужения — в направлении устранения чрезмерной его “небесности”... И не бесчинством, а некоей реальной необходимостью воспринимается дикая мысль о модернизации церковной музыки такой, чтобы джазовый оркестр стал принадлежностью богослужения...»¹⁶

Архимандрит Константин также решительно осуждал обнаруживавшийся в протестантской среде Запада «подход к молитве как к явлению, способному быть запротоколированным для позднейшего утилитарного распоряжения. Это есть покушение на духовную действенность молитвы, то есть на подлинную ее сущность... Приходится слышать от одного священника рассказ о том, как однажды дома лежащий покойник обслуживаем был панихидой постоянно повторяющейся заведенной пластинки»¹⁷.

На основании приведенных примеров архимандрит Константин сделал вывод, что в западном мире «наглядно обнаруживается жуткий процесс превращения человека в технологически совершенствуемое животное»¹⁸.

Восемь лет спустя, в статье «В чем основная беда и где спасение?» он отмечал следующее: «Сгущается атмосфера свободного мира. Разложение в полном ходу — всяческое. Проявляется оно с наибольшей яркостью в молодом поколении... Нечто чудовищное происходит в области секса. Ни семья, ни вера во всех ее исповеданиях... никакого сколько-нибудь значительного оздоровления не вносят. В зародыше наблюдаются некоторые проявления здоровой реакции общественности... Общей картины это не меняет — устрашающей и угнетающей»¹⁹.

Оценку, данную архимандритом Константином духовному состоянию того мира, который непосредственно окружал русскую эмиграцию в первые послевоенные десятилетия, разделяли ведущие деятели, идеологи и публицисты Русской Зарубежной Церкви. Так, в пасхальном послании 1974 г. первоиерарх РПЦЗ митрополит Филарет (Вознесенский) охарактеризовал западный мир как «разлагающийся духовно»²⁰. Настоятель Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле и постоянный автор «Православной Руси», выступавший также

одним из идеологов РПЦЗ в изучаемый период, архиепископ Аверкий (Таушев) в проповеди, опубликованной в 1976 г., назвал западную современность «жуткой, отравленной сатанинским ядом»²¹. А в другом его поучении говорится: «Тупое, холодное безразличие почти ко всему, что носит на себе печать идейности, и искание во всем личной выгоды — вот чем характеризуется наше время, когда торжествует безыдейность, беспринципность»²².

Архиепископ Аверкий неоднократно полемизировал на страницах журнала с теми православными богословами, которые в духе «постхристианских» веяний западного мира допускали возможность обновления формулировок христианских догматов с целью более точного раскрытия их содержания для современных верующих. «Мы решительно отвергаем всякую модернизацию нашей святой непорочной веры в духе нечестивого богоотступнического времени»²³. «Истинное православие только то, — писал архиепископ Аверкий, — которое не принимает и не допускает ни в чем — ни в учении, ни в практике церковной — никаких новшеств, противных слову Божию и постановлениям Вселенской Церкви»²⁴.

В ходе подготовки Третьего Всезарубежного церковного Собора, созванного в сентябре 1974 г. и проходившего в семинарском зале Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле, архиепископ Аверкий неоднократно писал том, что духовное разложение свободного мира явилось одной из причин таких кризисных явлений, как повсеместное снижение уровня религиозности в среде русской эмиграции, преобладание в приходах пожилых людей, малый процент молодежи в них, острая нехватка священнослужителей. «Мы не можем не видеть, — писал архиепископ Аверкий в этот период в статье “О необходимости усиленной внутренней миссии в нашей Русской Зарубежной Церкви”, — как легко на наших глазах уже теперь денационализируется наше молодое поколение, забывая все свое русское, родное, забывая свой язык, свои русские нравы и обычаи, а вместе с тем, вполне естественно, и свою веру, отходя постепенно все больше и больше от Церкви. Особенно велика опасность в этом отношении для наших детей, рождающихся уже в иноверных странах и лишенных возможности получить воспитание и образование в русских школах в православном и национальном русском духе. Не будем закрывать глаза на этот совершенно несомненный печальный факт, что мы постепенно теряем нашу паству, которая как бы растворяется в окружающей нас чуждой нам по языку, по культуре и по вере среде. Пройдет еще, быть может, совсем немного лет, и от нашей православной русской паствы почти ничего не останется»²⁵. Единственный выход из создавшегося положения, по мнению Аверкия, состоял в следующем: «Совершенно необходима в нынешнее время, в наших условиях, более, чем когда-либо прежде, ибо мы окружены со всех сторон иноверцами, катехизация, т. е. постоянное, систематическое наставление в основных истинах нашей православной христианской веры, как детей, так и взрослых. И дети и взрослые должны настолько быть знакомыми с основными положениями нашего православного христианского вероучения и нравоучения, чтобы быть в состоянии дать ответ каждому вопрошающему о святом православии и, если нужно, посра-

мить иноверцев и сектантов, подходящих к ним, как это часто бывает, со своим лукавым совопросничеством. Нечего доказывать, как это важно для сохранения нашей паствы в ограде нашей святой Церкви!»²⁶

Важно особо отметить, что главную причину духовного кризиса западного мира идеологи и публицисты РПЦЗ видели в отступлении этого мира от христианских начал. С середины XX в., как они полагали, это отступление обрело характер четко сложившейся системы явлений, которая свидетельствует о начале эпохи апостасии, постепенно охватывающую вселенную. Следует пояснить, что слово «апостасия» греческого происхождения, и означает отпадение, отступничество, измену. Традиционно «апостатом» называют христианина, утратившего веру, отрицателя религиозных догматов или человека, пришедшего к атеистическим воззрениям.

Спасение западному миру может принести «свет с Востока». Идеологи РПЦЗ сходились в том, что русский царь не просто монарх, каких много на земле, но «удерживающий мировое зло». Поэтому только восстановление Православного Царства способно во спасение апостасийного мира изменить положение вещей: вот что означает свет с Востока. «Только так, — писал архимандрит Константин (Зайцев), — может быть возвращено России значение державной силы, служащей подножием Удерживающего, в его промыслительной миссии хранителя истинной Церкви, а тем самым и всего мира... Вот — свет с Востока... Все остальное — блуждающие огни, отвлекающие нас от истинного света»²⁷.

Следует отметить, что Православная Церковь, конечно, не имеет догматического определения, что именно монархия — есть тот государственный строй, которого непременно требует православное учение, и православная монархия — не обязательное условие для существования Церкви. Однако идеологи РПЦЗ, начиная с ее основателя митрополита Антония (Храповицкого), полагали, что православная монархия — единственный государственный строй, который раздвигает критерии своих земных задач за пределы земных интересов. Православная монархия, согласно такому определению, есть власть Помазанника Божия, которая освящается через особое церковное таинство и является не самоцелью, а средством для спасения людей на пути соборного служения правде Божией²⁸. По убеждению митрополита Антония, монархический принцип был также необходим для освобождения от «безбожного ига» и возрождения России.

Это «страшное коммунистическое иго», закрыв Россию от Запада, создав атмосферу изоляции, в то же время сыграло в некотором смысле даже положительную роль. «То духовное разложение, о котором мы говорили как о “климате” свободного мира, — писал архимандрит Константин, — не коснулось России. Она терпела материальный урон — колоссальный. Она испытала потерю в людях — неисчислимую. Она претерпела страдания — не поддающиеся никакому воображению. Но массив русского народа духовно не разложен большевиками. Россия живет под ними, не с ними»²⁹.

О том, что Россия, несмотря на «большевистский богоборческий режим», еще духовно жива, писали и другие публицисты и идеологи РПЦЗ. Так, на то, что русский народ сохранил моральную привлекательность и не испытал того процесса «расчеловечения», который наблюдается в свободном мире, неоднократно указывал архиепископ Аверкий (Таушев) в своем первом сборнике статей и речей, изданном в 1971 г. в Джорданвилле под примечательным заголовком «Истинное православие и современный мир».

Вместе с тем, как отмечалось в одном из документов II Собора РПЦЗ, состоявшегося в августе 1938 г. в Сремских Карловцах (Югославия), «русский народ весь в целом совершил великие грехи, явившиеся причиной настоящих бедствий, а именно клятвoprеступление и цареубийство. Общественные и военные деятели отказали в послушании и верности царю еще до его отречения, а народ явно и шумно приветствовал свершившееся, нигде громко не выразив своего несогласия с ним... Совершилось нарушение присяги, а кроме того, на главы совершивших это преступление пали клятвы предков – Земского Собора 1613 г. (на Соборе царем был избран Михаил Федорович Романов и, таким образом, утверждена новая династия. — А. К.)»³⁰. Следовательно, первым шагом на пути к восстановлению православного царства и, тем самым, спасения апостасийного мира («продлить жизнь мира может только восстановление русского православного царства»), должно быть покаяние русского народа за совершенные в прошлом тяжелые грехи и молитвенное прославление державных мучеников — последнего царя и его семьи, «которые жертвенно пали и своей мученической кровью открыли путь к восстановлению Российского царства»³¹.

Таким образом, оценка духовного состояния западного мира, сделанная в 1950 — 1970-х гг. ведущими публицистами и идеологами «карловчан», — преимущественно на страницах журнала «Православная Русь», — сыграла важную роль в разработке послевоенной идеологии Русской Зарубежной Церкви.

¹ Григорий (Габбе), епископ. Завет святого патриарха. М., 1996. С. 88.

² История Русской Православной Церкви: От восстановления патриаршества до наших дней. СПб., 1997. Т. 1. 1917–1970. С. 613.

³ Евфимий (Логвинов), иеромонах. О спорных вопросах послереволюционного периода Русской Церкви и их освещении историками // Материалы конференции «История Русской Православной Церкви в XX веке (1917–1933 гг.) г. Сэнтендре 13–16 ноября н. ст. 2001 г. Издание обители преподобного Иова Почаевского в Мюнхене, 2002. С. 435.

⁴ Цыпин В., протоиерей. История Русской Церкви. 1917–1997. М., 1997. С. 606.

⁵ История Русской Православной Церкви: От восстановления патриаршества до наших дней. Т. 1. 1917–1970. С. 613.

⁶ Кашеваров А. Н. Печать Русской Зарубежной Церкви. СПб., 2008. С. 39.

- ⁷ Анастасий (Грибановский), митрополит. Беседы с собственным сердцем. СПб., 2007. С. 420–421.
- ⁸ Граббе Г., протопресвитер. Правда о Русской Церкви на Родине и за рубежом (По поводу книги С. В. Троцкого «О неправде карловацкого раскола»). Джорданвилль, 1961. С. 156–157.
- ⁹ Константин (Зайцев), архимандрит. Слово критики // Православная Русь. 1960. № 2.
- ¹⁰ Всеволод (Филипьев), инок. Путь святых отцов: Патрология. Джорданвилль, 2006. С. 557–558.
- ¹¹ Константин (Зайцев), архимандрит. Духовное состояние мира и задачи Русской Зарубежной Церкви // Православная Русь. 1962. № 11. С. 7.
- ¹² Там же. С. 9.
- ¹³ Там же. С. 10.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же. С. 11.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. С. 10.
- ¹⁸ Там же. С. 11.
- ¹⁹ Константин (Зайцев), архимандрит. В чем основная беда и где спасение? // Там же. 1970. № 6.
- ²⁰ Цит. по: Гордиенко Н. С., Комаров П. М. Обреченные: О русской эмигрантской псевдоцеркви. Л., 1988. С. 101.
- ²¹ Аверкий (Таушев), архиепископ. Современность в свете Слова Божия. Джорданвилль, 1976. Т. 4. С. 42.
- ²² Там же. 56.
- ²³ Православная Русь. 1976. № 1. С. 8.
- ²⁴ Там же. 1986. № 4. С. 6.
- ²⁵ Там же. 1973. № 2. С. 13–14.
- ²⁶ Там же. С. 17.
- ²⁷ Константин (Зайцев), архимандрит. Духовное состояние мира и задачи Русской Зарубежной Церкви // Православная Русь. 1962. № 11. С. 12.
- ²⁸ См.: Назаров М. В. Русское зарубежное православие в эпоху ускорения апостасии // Материалы конференции «История Русской Православной Церкви в XX веке (1917–1933 гг.)» г. Сэнтендре (Венгрия) 13–16 ноября н. ст. 2001 г. С. 248.
- ²⁹ Константин (Зайцев), архимандрит. Духовное состояние мира и задачи Русской Зарубежной Церкви // Православная Русь. 1962. № 11. С. 12.
- ³⁰ Деяния Второго Всезарубежного Собора Русской Православной Церкви за границей. Белград, 1939. С. 149–150.
- ³¹ Константин (Зайцев), архимандрит. Духовное состояние мира и задачи Русской Зарубежной Церкви // Православная Русь. 1962. № 11. С. 13.

Kashevarov A. N. The spiritual condition of the Western world in the perception of the ideologues and publicists of the Russian Orthodox Church Abroad 1950–1970s.

ABSTRACT: The article deals with publicism of Russian Orthodox Church Abroad in the early postwar decades. Church ideologists ascertain the spiritual crisis of the Western world and the American style of life.

KEYWORDS: Russian Orthodox Church Abroad, Western world, spiritual crisis, church ideology and publicism

AUTHOR: Ph. D. in History, Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg State Polytechnical University, Honored High School Educationalist of Russian Federation (Saint-Petersburg)

REFERENCES:

- ¹ *Grigorij (Grabbe), episkop. Zavet svyatogo patriarxa.* Moscow, 1996.
- ² *Istoriya Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi: Ot vosstanovleniya patriarshestva do nashix dnei.* St.Petersburg, 1997. T. 1. 1917–1970.
- ³ *Evfimij (Logvinov), ieromonax. O sporny'x voprosax poslerevolucionnogo perioda Russkoj Cerkvi i ix osveshhenii istorikami // Materialy' konferencii «Istoriya Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi v XX veke (1917–1933 gg.) g. Se`ntendre 13–16 noyabrya n. st. 2001 g. Izdanie obiteli prepodobnogo Iova Pochaevskogo v Myunxene, 2002.*
- ⁴ *Cypin V., protoierej. Istoriya Russkoj Cerkvi. 1917–1997.* Moscow, 1997.
- ⁵ *Kashevarov A. N. Pechat` Russkoj Zarubezhnoj Cerkvi.* St.Petersburg, 2008.
- ⁶ *Grabbe G., protopresviter. Pravda o Russkoj Cerkvi na Rodine i za rubezhom (Po povodu knigi S. V. Troickogo «O nepravde karlovackogo raskola»).* Jordanville, 1961.
- ⁷ *Konstantin (Zajcev), arximandrit. Slovo kritiki // Pravoslavnaya Rus`. 1960. N 2.*
- ⁸ *Vsevolod (Filipyev), inok. Put` svyaty'x otcov: Patrologiya.* Jordanville, 2006.
- ⁹ *Konstantin (Zajcev), arximandrit. Duxovnoe sostoyanie mira i zadachi Russkoj Zarubezhnoj Cerkvi» // Pravoslavnaya Rus`. 1962. N 11.*
- ¹⁰ *Konstantin (Zajcev), arximandrit. V chem osnovnaya beda i gde spasenie? // Pravoslavnaya Rus`. 1970. N 6.*
- ¹¹ *Gordienko N. S., Komarov P. M. Obrechenny'e: O russkoj e`migrantskoj psevdocerki.* Leningrad, 1988.
- ¹² *Averkij (Taushev), arxiepiskop. Sovremennost` v svete Slova Bozhiya.* Jordanville, 1976. T. 4.
- ¹³ *Pravoslavnaya Rus`. 1976. N 1.*
- ¹⁴ *Nazarov M. V. Russkoe zarubezhnoe pravoslavie v e`poxu uskoreniya apostasii // Materialy' konferencii «Istoriya Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi v XX veke (1917–1933 gg.)» g. Se`ntendre (Vengriya) 13–16 noyabrya n. st. 2001 g.*
- ¹⁵ *Deyaniya Vtorogo Vsezarubezhnogo Sobora Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi za granicej.* Belgrad, 1939.